

ЭРНСТ ЮНГЕР

МЮРДУН

ПИСЬМА ИЗ НОРВЕГИИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2023

УДК 82-94
ББК 87.3(4Гем)
Ю50

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Андрей Игнатъев.

Юнгер, Э.

Ю50 Мюрдун. Письма из Норвегии. — М.: Тотенбург, 2023. — 120 с.

«Мюрдун. Письма из Норвегии» — такое необычное название носит книга Эрнста Юнгера, посвященная его путешествию в Норвегию летом 1935 года. В ту пору жизнь норвежского крестьянства еще сохранила немало архаичных черт, что особенно привлекло внимание писателя. Поэтому книга содержит немало интересных этнографических наблюдений. Но главным героем «Мюрдуна» оказывается прекрасная и суровая природа Норвегии с ее ледяными пиками, фьордами, горными ручьями, лесами и болотами.

**УДК 82-94
ББК 87.3(4Гем)**

© Андрей Игнатъев,
перевод с немецкого, 2023

© Издательство «Тотенбург»,
издание книги на русском языке, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
НА БОРТУ, 6 июля 1935 г.	20
НА БОРТУ, 9 июля 1935 г.	25
ЭЙДСБЮГДА, 15 июля 1935 г.	29
ЭЙДСБЮГДА, 19 июля 1935 г.	35
ЭЙДСБЮГДА, 22 июля 1935 г.	45
ЭЙДСБЮГДА, 29 июля 1935 г.	54
ЭЙДСБЮГДА, 31 июля 1935 г.	63
ЭЙДСБЮГДА, 5 августа 1935 г.	72
ЭЙДСБЮГДА, 14 августа 1935 г.	84
ЭЙДСБЮГДА, 16 августа 1935 г.	91
ЭЙДСБЮГДА, 20 августа 1935 г.	95
ЭЙДСБЮГДА, 23 августа 1935 г.	102
НА БОРТУ, 26/27 августа 1935 г.	107

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Мюрдун. Письма из Норвегии» — такое необычное название носит книга Эрнста Юнгера о его путешествии в эту скандинавскую страну в июле — августе 1935 г. Само слово «Мюрдун» обозначает скромное растение — траву пушица, произрастающую на норвежских верховых болотах. Впервые эта книга увидела свет в Осло в 1943 г. как «полевое издание для солдат в зоне ответственности командования вермахта в Норвегии». По-видимому, целью этой публикации было познакомить немецких солдат с природой и культурой страны, в которой они оказались. Затем уже после Второй мировой войны в 1948 г. «Мюрдун» был опубликован в Цюрихе (Швейцария) с иллюстрациями художника Альфреда Кубина. Такое место издания было связано с запретом на публикацию книг Юнгера, действовавшим в Германии в трех зонах, оккупированных западными союзниками. Наконец, когда в следующем году этот запрет был снят, книга вышла на родине автора в издательстве «Гелиополис» (Тюбинген).

Среди книг писателя, посвященных его путешествиям, «Мюрдун» в особенности выделяется своей формой. Как правило, все эти книги представляют собой дневниковые записи, расположенные в хронологическом порядке. Здесь же мы имеем дело со сборником писем, адресованных человеку, который нигде не называется по имени, но к которому автор обращается, используя местоимение второго лица единственного числа, причем всегда это местоимение с заглавной буквы (Du, Dich, Dir), что не принято в немецком языке. Этим загадочным адресатом является, несомненно, брат писателя Фридрих Георг, на что содержатся многочисленные указания в тексте, но прежде всего дата рождения: в письме от 26/27 августа 1935 г. Юнгер поздравляет своего адресата с «новым годом жизни», что совпадает с днем рождения Фридриха Георга (1 сентября). Книга состоит из одиннадцати таких писем, в начале каждого письма указывается время и место его написания. У первого и последнего письма местом написания указано «На борту» (то есть на борту корабля), а у остальных — деревня Эйдсбюгда, где Юнгер жил во время своего пребывания в Норвегии. В письмах, составляющих «Мюрдун», можно выделить тематические блоки. Са-

мый объемный из них посвящен рыбе и рыбной ловле, что неудивительно. Также есть блоки, где речь идет о скотоводстве, норвежской кухне, медицине, изучению норвежского языка, ягодам, змеям, сравнению севера и юга, архитектуре и особенностям истории Норвегии.

Спутником писателя выступает человек, которого он почтительно именует Магистр. Юнгер вообще любил называть людей, о которых он пишет, разного рода прозвищами и иногда даже не одним. Например, Гитлера он называл Кньеболо, а свою парижскую знакомую Софи Раву — Докторессой, Шармиль Камиллой, мадам Данкар и мадам д'Армановиль. В таком виде они не только фигурируют в его дневниковых записях, но иногда и перекачываются в литературные произведения.

Магистр это не кто иной, как близкий друг писателя, философ и ученый Хуго Фишер. Эта замечательная личность, в свое время оказавшая значительное влияние на Юнгера, заслуживает того, чтобы о нем рассказать поподробнее. С Фишером Юнгер познакомился в годы учебы в Лейпцигском университете. Родившийся в 1897 г. Фишер, как и Юнгер, был участником Первой мировой войны. Получив контузию в битве на Сомме, он был признан непригодным

к военной службе и поступил в Лейпцигский университет, где изучал философию, историю и санскрит. В 1921 г. Фишер предпринял длительную поездку в Индию. В том же году на основании своей работы о «Принципе антагонизма у Якоба Бёме» был удостоен докторской степени, а когда Юнгер приехал в Лейпциг, как раз со своей работой о «Методах Гегеля в их жизненно-исторической необходимости» прошел хабилитацию¹ и стал университетским преподавателем (до 1938 г.). Наряду с этим Фишер занимался творчеством немецкого философа, выступившего против идей Просвещения, Иоганна Георга Гамана (1730–1788) и намеревался написать книгу о Ницше; она вышла в 1931 г. под заглавием «Отступник Ницше, или Философия скандала». Благодаря общению с Фишером Юнгер открыл для себя Гамана, Беме и Гегеля именно в то время, когда у него формировался замысел написать «Рабочего». Кроме того, под влиянием своего друга писатель по-новому взглянул на Ницше. Неудивительно, что Фишер снова и снова упо-

¹ Хабилитация (нем. Habilitation от лат. habilis «способный, пригодный») — в некоторых странах, включая Германию, процедура получения высшей академической квалификации, следующей после ученой степени доктора философии. После прохождения процедуры хабилитации претенденту присваивается ученая степень хабилитированного доктора, которая дает право на занятие профессорской должности в университете. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

минается или появляется в произведениях Юнгера: в «Сердце искателя приключений» как Нигромонтан, в «Визите на Годенхольм» как Шварценберг, в прочих текстах, как в случае «Мюрдуна», он именуется «Магистром».

По своему характеру Фишер был не только ученым-чудаком, но и отчасти даже хулиганом. В «Мюрдуне» упоминается, что он то зачем-то пытался забраться в женский монастырь, то затеял в шутку кулачный поединок с хозяином квартиры в Гамбурге, то вложил крупную купюру в книгу, которую затем сдал в библиотеку. Однако за такой чудаческой оболочкой скрывался оригинальный мыслитель. Юнгер описывает своего друга так: «Магистр живет в беспрестанной духовной тренировке, непрерывной медитации, в которой я охотно принимаю участие. Тебе известны своеобразие и преимущества его мышления; они заключаются прежде всего в способности к интуитивным, почти прозорливым и часто молниеносным констатациям. Разговор с ним напоминает пейзажи у Оссиана; после того как долго шел сквозь клубящийся туман, внезапно видишь вход в пещеры, базальты и дальние острова в море. Затем уже давно мне стали бросаться определенные сходные черты с Гаманом — я имею в виду скрытую природу метафизическо-

го человека, который все же критически рассматривает решающие моменты».

В политическом отношении Хуго Фишер был национал-революционером и помимо Эрнста Юнгера поддерживал отношения и с Эрнстом Никишем. Как и его друзья, Фишер не принял реалий Третьего рейха, но в отличие от них выбрал для себя другой путь: эмиграцию. В 1938 г. он оставил должность приват-доцента в Лейпцигском университете и под предлогом «восстановления здоровья» вместе с семьей переехал в Норвегию, а затем в Великобританию, где вел образ жизни свободного ученого. Фишер неоднократно бывал в Индии, в 1949 г. преподавал философию в знаменитом Бенаресском Индуистском университете. В Германию он вернулся только в 1956 г. и занимался социологией в Мюнхенском университете. Юнгер и Фишер поддерживали дружеские отношения вплоть до смерти последнего в 1975 г.

В Норвегии Эрнст Юнгер пробыл с 15 июля по 23 августа в уже упомянутой деревне Эйдсбюгда, расположенной на северо-западном побережье страны. Эти места славились своей живописностью, и сюда часто приезжали художники. Вместе с Хуго Фишером он наслаждался гостеприимством в доме давно жившего в этой

стране немецкого врача Иоганна Генриха Парова и его жены, фигурирующих в «Мюрдуне» как Сельсус и Сельса. Паров, по-видимому, в те годы был уже пожилым человеком. Юнгер упоминает его свешивающуюся до пояса седую бороду, его знакомство с личным врачом Бисмарка Эрнстом Швенингером и тот факт, что в годы Первой мировой войны Паров был начальником лазарета. Юнгер изображает своего гостеприимного хозяина как яркого противника официальной медицины: в частности, тот высказывает ироническую мысль, что болезни распространяются вместе с врачами, больных лечит при помощи дыхательных упражнений (возможно, заимствованных у индийских йогов), отвергает хирургическое вмешательство, за исключением случаев ранений на войне, и даже с аппендицитом справляется без ножа, считает боль естественным лекарством, а потому не признает никакие виды анестезии, а кроме того, считает ненужным вставлять искусственные зубы. По словам Юнгера, когда-то Паров был известным и популярным врачом в Берлине, но затем предпочел поселиться в Норвегии, где и занимался медицинской практикой. Писателю, как видно, импонировали взгляды врача-диссидента: «Я нахожу все то, что он утверждает, столь бесспорно верным,

как верно то, что кусок свежего масла превосходит даже лучший маргарин». В особенности Юнгеру не нравятся тенденции развития современной медицины: «Тайна нашей медицины заключается в том, что она в принципе не беспокоится о лечении. Она определяется совсем другими вещами, прежде всего повышением работоспособности. Наш технический мир это как раз не санаторий. Также следует подумать над тем, что специализация и обобществление трудового процесса не нуждаются более во всем человеке в его целостности — в то время как, с другой стороны, именно он является как объектом, так и целью лечения». Также, по словам писателя, при своих оригинальных взглядах Паров вовсе не производит впечатление сектанта, напротив, это приятный человек с чувством юмора.

Надо сказать, что Норвегия в ту пору весьма значительно отличалась от той образцовой витрины западного мира, в которую страна превратилась в 70-е годы прошлого века, когда у ее побережья широко развернулась промышленная добыча нефти. До 1905 г. Норвегия, состоя в унии со Швецией, фактически была бедным захолустьем последней. В течение XIX в. и первых десятилетий XX в., до начала Великой депрессии, до трети населения страны, в основном

по экономическим причинам, эмигрировало в США. Тяжкую долю норвежского эмигрантаразнорабочего в Америке испытал в 80-е годы XIX в. и знаменитый норвежский писатель, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Кнут Гамсун. Обретя независимость от Швеции, Норвегия попала в сферу экономического влияния Великобритании, а основными статьями экспорта была сушеная рыба, вязаные свитера и разнообразные «дары природы». В частности, Юнгер упоминает в «Мюрдуне» корабли, груженные черникой. К моменту приезда писателя экономическое положение Норвегии несколько улучшилось, развивалась социальная сфера, но многие крестьяне и рыбаки продолжали вести достаточно архаичный образ жизни². Именно сочетание дикой и нетронутой природы и архаики и привлекло Парова.

По этим же причинам на эту страну обратил внимание и Юнгер, который в ту пору постепенно начал отходить от технического оптимизма времен написания «Рабочего». Кроме того, как он сам признает, для него это было «первое короткое продвижение на север»: до сих пор писатель отдавал предпочтение странам Средиземноморья как месту для своих путешествий.

² Мелкое фермерство сохраняется в Норвегии и в наши дни.

В письмах, составивших книгу, преобладает именно впечатление от «простой жизни», и здесь биограф Юнгера Гельмут Кизель проводит параллель с одноименным романом кенигсбержца Эрнста Вихерта (1887–1950), противопоставлявшего Лес и Город. Откликов на прочитанное и размышлений на отвлеченные темы здесь совсем немного. Только в заключительном письме Юнгер погружается в раздумья об особенностях исторического пути скандинавских стран, проводя параллель между распространением здесь деревянного зодчества и эфемерностью походов и завоеваний скандинавских правителей, их неспособностью создать устойчивые государственные образования.

Главный герой «Мюрдуна» это все же не люди, а суровая и величественная природа Норвегии: ледяные пики, фьорды, горные ручьи, леса, болота, берега и острова, растения и животные. «Мир фьордов и зеленых островов» писатель называет чуждым нашему историческому миру. Особенно у Юнгера удается описание различных видов рыб — одного из основных богатств страны: он мастерски подмечает малейшие оттенки их внешнего вида:

«Когда начинают вытаскивать сеть, добыча приходит в бурлящее и вскоре вспенивающее

воду движение. Затем в своих предсмертных метаниях появляется крупная рыба, настоящее чудо с зеленоватой под цвет моря спиной и боками цвета тусклого серебра, которое на нижней стороне переходит в цвет свежотлитого металла. Как только рыба ощущает непривычную стихию, она подскакивает в воздух, как слиток серебра, и вскоре по ней бьет багор, так что на чешуе загорается сверкающая красная полоса».

И далее: «Конечно, значение принятых в данной местности названий создает для меня некоторую трудность. Луг это рыба с узким телом, напоминающая щуку, сверху оливково-зеленая, покрытая множеством черных точек, а снизу серебристо-светлая. Hüsse это, должно быть, пожалуй, молодая проворная рыба, в любом случае, у нее такие же черные пятна за жабрами, как если бы трубочист тыкал в нее большим пальцем. Намного чаще в сеть все же попадает smatorsk — молодая треска, в то время как старую называют kabeljau. Smatorsk это красивая рыба, внизу белая с сильными серебристыми оттенками, со спиной цвета морской зелени, по бокам покрытая симпатичными золотисто-коричневыми пятнами, напоминающими охру. Крапины обнаруживают тенденцию, как и благородный коралл, к разветвлению; особенно

их цвет блестит на пластинах жабр; которые, словно крышка ценной оловянной банки, на тускло-золотистом фоне несут на себе чуть-чуть черного узора. Также еще часто блестят части плавников, как если бы по ним прошла кисть с золотой пылью. В эти недели и затем до осени рыба, которая после нереста еще загнанная и тощая, обретает все лучшую и огненную расцветку, и также печень ежедневно набирает вес. Поэтому на нее так радостно смотреть, когда, блестящую, ее вытаскиваешь из зеленой воды. Большая голова с выпученными глазами и сильное тело придает ей тяжеловесные черты — и все же это великолепный экземпляр».

Далее Юнгер проводит интересное сравнение с известным героем русской литературы: «Я нахожу в ней нечто от элегантности господина, который, находится в расцвете лет, — например, Чичикова, когда он блистал в своем фраке цвета брусники, я себе это так представляю».

В «Мюрдуне» Юнгер предстает также наблюдательным этнографом. В норвежских крестьянах его поражает прежде всего их любовь к уединению: «К этому добавляется еще достойный уважения обычай норвежцев сначала отмерять наибольшее расстояние от любых соседей, перед тем как заложить фундамент дома. Поэто-

му здесь имеется достаточно усадеб, где из года в год не видят никаких чужих лиц — человеческие жилища, воздвигнутые в лабиринте острова и в уединении почти недоступных горных долин». Сам писатель признается, что не смог бы вести подобный образ жизни: «И все же меня удивило, как простой мужчина или мужчина и женщина могут проводить каждый день в таком удалении от любых соседей, так как я ощущал одиночество как бремя и могу представить себе, что трудно выдерживать его в течение длительного времени». Впрочем, по его замечанию, именно это качество позволило норвежцам стать превосходными рыбаками, китобоями и исследователями полярных широт.

Также Юнгер отмечает чистоплотность норвежцев, которую он сравнивает с голландской, и неприязнь к шумным развлечениям. По словам писателя, жителей страны «почти всегда видишь серьезными и благоразумными. Вызывает удивление тишина, царящая в местах, которые обычно считаются связанными с оживлёнными звуками, как, например, на рынках и школьных дворах». Как полагает Юнгер, эти качества сложились под влиянием протестантизма. Наконец, его поразила любовь жителей Норвегии к болотам: «Норвежцы питают боль-

шую любовь к болоту — настолько сильную, что даже море в поэтическом языке они именуют синим болотом». Для сравнения замечу, что в нашем языке само слово «болото» носит оттенок ругательства.

Как «Мюрдун» мог быть воспринят в Третьем рейхе? О каких-либо откликах на эту книгу мне, к сожалению, неизвестно. Но, с одной стороны, восхищение природой Севера, пиетет перед крестьянством и доброжелательное описание жизни народа, относящегося в тогдашней Германии к нордической расе, вполне могли вызвать симпатию у национал-социалистов, особенно у тех, кто, подобно Вальтеру Дарре, был настоящим романтиком жизни в деревне. С другой стороны, автор книги явно отдает предпочтение не политическим баталиям, воспеванию мощи государства и подвигов на фронте, а размеренному существованию в медвежьем уголке тогдашней Европы. В самом начале книги мы читаем:

«Вскоре у нас завязался замечательный разговор, и я подумал, что в той же мере, в которой государства усиливаются и возрастают их требования к отдельным людям, также начинают действовать противовесы. Человеку указывается на отношения, которые свойственны ему с изна-

чальных времен, такие как семейный союз в сицилийском духе, гостеприимство, убежище и меновая торговля, и я бы хотел предсказать будущее, в котором переживут свое возрождение даже разбойники».

Далее Норвегия вызывает его восхищение именно как небольшая мирная страна без мощной промышленности и не принимавшая участия в войнах:

«Вообще, я нахожу, что в маленьких государствах, которые не пострадали от войны и не обременены расходами на вооружение и чрезмерным развитием промышленности, можно сделать довольно хорошие наблюдения. Здесь идеи и явления, в воюющих странах ставшие уже историей, как в ретортах, получили дальнейшее развитие, и здесь словно прогуливаешься за оградой парка, оставшегося пощаженным бушующей вокруг непогодой».

Думается, что подобные фразы могли вызвать и неудовольствие у национал-социалистических цензоров. Впрочем, как уже было сказано, о какой-либо реакции на книгу сведения отсутствуют, и она была благополучно опубликована за два года до падения Третьего рейха.

Надеюсь, что мой труд послужит расширению представлений отечественного читателя о творчестве и мировоззрении Эрнста Юнгера.

Перевод сделан по изданию: Jünger E. Myrdun. Briefe aus Norwegen. Tübingen: Heliopolis-Verlag, 1949.

Эту книгу я хочу посвятить Валерии Исмиевой, поэтессе, переводчице и знатоку немецкой литературы, беседы с которой о наследии Юнгера постоянно служат мне источником вдохновения. Также, пользуясь случаем, выражаю благодарность сотруднице издательства «Тотенбург» Юлии Горноскуль за помощь в работе над переводом текста «Мюрдуна».

НА БОРТУ, 6 июля 1935 г.

Следует Тебе сообщить, что мы с Магистром вчера утром выехали из Гослара³ и сейчас уже спускаемся вниз по Эльбе. Еще чувствую себя оглушенным, как если бы меня выдули через узкое горлышко бутылки. Возможно, и общество Магистра играет здесь свою роль, так как я уже в других краях наблюдал, что мы соединяемся в одну молекулу,двигающуюся посередине реальности, которая немного рябит перед глазами. В детские годы я испытывал похожее чувство, когда видел, как в комнате над горячей печкой дрожат и плывут предметы.

Уже в Ильцене⁴ меня охватило легкое головокружение, когда на перроне показалась пожилая дама, которая смешным или, напротив, даже непозволительным образом выглядела похожей на нашу умершую бабушку. Она напоминала ее не только вплоть до мелких движений, но также

³ Гослар — город в Германии, расположен в земле Нижняя Саксония у подножия горного массива Гарц. Эрнст Юнгер с семьей проживал в Госларе в 1933–1936 гг.

⁴ Ильцен — небольшой город в Германии в земле Нижняя Саксония.

и до пигментных пятен у корней волос, сразу бросившихся мне в глаза в качестве привычного признака. Хотя я знаю, что женщины ее типа выглядят очень похоже, все же я не мог отделаться от смущения при виде этой ошеломляющей репродукции. Наш бедный рассудок держится как раз на наборе тождественностей.

Наши гамбургские знакомые угостили нас по-гамбургски, а значит, обильно и хорошо. После обычного куриного бульона, которым здесь заканчивается застолье, с нашим гостеприимным хозяином мы пошли домой, где я нашел в библиотеке застеленную для меня кровать. Ненадолго все же я погрузился в необычный тайный дневник сэра Сэмюэла Пипса⁵, а затем заснул. На заре меня разбудили домовые — хозяин и Магистр попробовали грога и испытали удачу в кулачном бою. Магистр как раз получил хороший удар, из-за чего у него упали очки, когда открылась дверь, и дочка хозяина, ребенок десяти лет, бросила на суматоху скорее изумленный, нежели испуганный взор. Это явление как высшее начало тотчас же восстановило спокойствие, а мелкая еще изумила меня тем, что от двери

⁵ Сэмюэл Пипс (1633–1703) — английский чиновник морского ведомства, автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев периода Реставрации.

предприняла на нас наступление. Она подпорхнула, как танцовщица в опере, по паркету, порадовала меня магнетическим рукопожатием и столь же стремительно исчезла, как и появилась.

В первую половину дня у нас было много дел. Прежде всего Магистр должен был отдать в ремонт свои очки, а затем мы отправились на охоту за валютой. Магистр утверждает, что необходимы этнологические штудии и в особенности точное знание табу, чтобы отыскать эти деньги, за которыми столь ревностно следит дракон государства. И на деле мне пришлось восхититься его эрудицией, так как после бесцельного хождения в течение некоторого времени по банкам и обменным пунктам, а также нескольких аудиенций у людей, явно не причастных к делу, чиновник, который уже закрыл свое окошко, неожиданно выплатил нам обоим сумму норвежскими кронами. Все происходящее показалось относящимся скорее к лунатическому хождению во сне, нежели к области финансов. Но с тех пор как мне пришлось видеть нашего друга с постоянным смехом на Виа дель Оро прорывающимся во флигель женского монастыря, куда не пускают посторонних, или в Лейпциге пришедшим на лекцию в войлочных туфлях, подобное меня больше не удивляет. Также Ма-

гистр издавна, независимо от того, помещал ли он свою последнюю купюру в пять марок в качестве закладки в книгу, которую затем сдал в библиотеку, или же без денег в кармане отправлялся в путешествия, из которых возвращался с деньгами, — всегда был для меня примером неуважения к правилам экономической игры. Я много узнал от него в отношении душевного спокойствия и превосходства человека, у которого нет ни пфеннига.

При хождении туда-сюда нас освежил сильный штормовой ветер, дувший сквозь улицы. Шляпы и зонтики летали по воздуху, а велосипеды сдувало на мостовую. Магистра очень развеселила эта картина, и он спросил меня несколько раз, видел ли я когда-либо город, в котором так взлетают велосипеды. Гротескным вопросом он неплохо отразил общее впечатление, так как в Гамбурге я постоянно ощущал близость шумной стихии, и город напомнил мне серию материализаций, которые неуклюже сложены вместе. Гамбург находится еще в своем титаническом возрасте, и я уже совершил по нему немало веселых прогулок.

Впрочем, этот вопрос мне кажется также интересным в связи с риторическими фигурами, к которым прибегает Магистр. Он отдает пред-

почтение беспорядочности или потрясающему размаху и наделяет целое подобными качествами. Благодаря этому данное целое затем претерпевает сильное и часто пугающее изменение.

После того как мы накупили еще всего сверх меры, мы сели в машину и поехали к кораблю. На пристани, у которой находился пароход, стоял сильный свежий запах рыбы, рыбьего жира и незнакомых приправ. Этот запах встретил нас как предвестие далеких берегов и рыбных балок.

НА БОРТУ, 9 июля 1935 г.

Как только мы вышли из устья Эльбы, шторм, о котором я Тебе сообщал, стал совсем неприятным. Наше суденышко по названию «Ирис» начало ползти вверх и вниз по волнам, и звуки моря внутри корабля производили весьма жуткое впечатление — бурление и шум в трубах, удары тяжелых дверей и еще время от времени звонок или падение и грохот багажа. Ухо воспринимает при этом также и особенное, незнакомо-ожидаемое. Грохот — это особенно мерзкий звук, и нижненемецкое слово *klabautern* («тяжело ступать») я нахожу для этого очень выразительным. За Хельголандом⁶ ужас стал нарастать, поскольку винт с регулярным промежутком показывался из воды, и корабль трясло при холостых оборотах.

Как только началась качка, мы с Магистром отыскивали койки и пролежали на них сорок часов

⁶ Хельголанд — архипелаг в Хельголандской бухте на юго-востоке Северного моря, принадлежит Германии.

с прижатыми к телу коленями подобно эмбрионам. Магистр очень верно сравнил кривые, которые мы при этом описывали, с движениями, совершаемыми вермишелью в варящемся бульоне. Я нахожу, что такие часы, точно так же, как и ночи во время лихорадки, проводишь не без пользы. Ткань мыслей, прядущаяся в это время, обладает значимостью, также и вещи принимают другую окраску. Благодаря морской болезни в какой-то мере экспериментальным образом оказываешься в состоянии страдания — я понимаю под этим размягчение, которое в меньшей степени связано с болью, нежели чем с сильным параличом воли. Тогда проводишь время, отлеживаясь, как последний заяц. Лежишь в бесцветном бытии.

Непогода, наконец, почти чудесным образом утихомирилась, как только мы прошли через пояс островов и стали скользить вдоль вытянувшегося берега, скрывающегося за ним. Здесь воды защищены словно цепью соединяющихся водоемов от сильного волнения океана. После того как мы остановились на часок в гавани Ставангера⁷, мне доставило немало удовольст-

⁷ Ставангер — город на юго-западе Норвегии.

вия стоять на носу корабля и созерцать блестящий фарватер, который то сжимался между утесами, как между колоннами у входных ворот, то сильно расширялся. Эта картина пробудила сильное ощущение пространства, и этому впечатлению наверняка благоприятствовало предгорье, так как оно протянулось, как цепь занавесок вплоть до границ поля зрения. Хотя врата открывались за вратами и снова погружались в туман, все же нельзя было увидеть никакого конца этого все более глубокого проникновения. Но не только скалы и море соперничали, чтобы вызвать образ бесконечного пространства, но также и облака присоединились к их структуре. Они сгущались как регулярная последовательность белых отмелей у вершин и повторяли очертания берегов с их выступами и бухтами в воздушном пространстве.

Также мне казалось, как будто поездка в возрастающей мере обретает магнетическое ощущение, сопровождавшееся чувством ожидания. Но было тяжело выразить в словах то, что глаз надеялся увидеть за этими все время новыми выступами — так как, возможно, здесь действует только мощное притяжение, посредством которого ничто или пустота покоряются сердцу.

Формы напоминают играющую со все более отчетливым повторением мелодию, и все же с упорядочиванием видимого нарастает ощущение необычности. Можно себе представить, что с удалением холод и регулярность образований возрастают от кристаллической первичной породы до чистых кристаллов ледников и ледяных гор и оттуда к шарообразным формам мира звезд.